

ЖОУВОЕ ВРЖИЈА

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЪ М. А. СУВОРИНЪ.

ТЕАТРЪ И МУЗЫКА.

НА ТУ ЖЕ ТЕМУ.

(„Ивановъ“ въ Народномъ театрѣ).

Второй пьесой русскаго репертуара, поставленной въ текущемъ сезонѣ, явился „Ивановъ“ Чехова. Мы уже отмѣчали, въ связи съ представлениемъ „Не убій“ Андреева, неудачный выборъ дирекціей театра русскихъ пьесъ для постановки на бѣлградской сценѣ. „Ивановъ“ возвращается насъ къ той же темѣ.

Пьесы Чехова вообще мало понятны иностранному зрителю. Нужно классическое исполненіе художественниковъ, чтобы чеховскіе герои были если не восприняты, то почувствованы иностранцемъ. Кто не знаетъ русской провинціальной жизни предреволюціонныхъ годовъ, тотъ не пойметъ никогда ни осеннихъ мотивовъ чеховскихъ пьесъ, ни душевныхъ переживаній ихъ героевъ. „Ивановъ“ къ тому же оденъ изъ самыхъ скучныхъ, томительныхъ произведеній Чехова. Уже намъ, перенесшимъ трагедію русскаго распада, „Ивановъ“ мало понятенъ и скученъ. Что же ожидать иностранцу съ здоровой душой, крѣпкими нервами и спокойной рассудочностью. Какой выводъ онъ можетъ сдѣлать изъ своихъ впечатлѣній, кромѣ самаго для русскаго человѣка невыгоднаго?

Мѣстная театральная критика назвала Иванова русскимъ Гамлетомъ. Это все-таки выходъ изъ положе-

нія. Принято считать, что въ Гамлетѣ сокрыта психологическая загадка еще никѣмъ не разгаданная. По этому поводу написана цѣлая литература. Существуетъ даже версія, что Гамлетъ былъ женщиной. Для „Иванова“ приведенное сравненіе спасительно. Было бы хорошо, если бы по аналогіи съ Гамлетомъ сербская публика заподозрила въ Ивановѣ женщину, тогда бы его истеричность была оправдана и всѣ дальнейшія заключенія дѣлались бы на основаніи этого предположенія.

Если выключить малопонятную для иностранца душевную драму Иванова, то отъ пьесы остается рядъ мало отрицательныхъ персонажей. Вспомните старуху Лебедеву, скрягу, обчитывающую свою дочь на предѣломъ, Лебедева, спившагося помещика, находящагося подъ сапогомъ своей властной жены, графа Шабельскаго, разорившагося аристократа, живущаго изъ милости на хлѣбѣ у своего тоже разорившагося племянника Борскаго, плута, ватаго и хамоватаго увѣднаго сердца. Вотъ общественная среда русской провинціи, изъ которой зрителю, склонному къ обобщеніямъ, предлагается сдѣлать выводы.

Въ сценическомъ отношеніи „Ивановъ“ также мало удаченъ. Даже въ исполненіи Художественнаго театра пьеса эта утомляетъ своими длинотами и скучными монологами. Конечно, отъ сербскихъ актеровъ трудно было ожидать проникновенности въ чуждые имъ переживанія героевъ чеховской пьесы. Камерность исполненія, единственно способная выявить ароматъ чеховскихъ пьесъ, не въ средствахъ сербскихъ актеровъ, приученныхъ къ звучнымъ интонаціямъ, выигрышнымъ позамъ, эффектнымъ жестамъ, и потому „Ивановъ“ въ ихъ исполненіи утратилъ даже тѣ немногія положительные свойства, которыми располагаетъ.

Поставлена пьеса тщательно, съ большой любовью и вдумчивостью. Не забыты и аксессуары строгаго реализма, выдвинутые художественниками. Однако въ которые изъ нихъ, какъ напримѣръ звуковые эффекты, были применены не вполне удачно и вызвали справедливое недоумѣніе зрителя въ ихъ принадлежности.

Все сказанное приводитъ къ мысли, что театру лучше отказаться ставить бытовые русскіе пьесы, требующія глубокаго психологическаго анализа.